

У каждого года свое неповторимое лицо, и каждый оставляет в нас память о себе. Но есть особые даты, впечатывающиеся в историю едва ли не для всех и на многие поколения. Таков наступивший год 2017-й. Память о событиях 100-летней давности неизбежно будет оттенять его. Почти никого из тех, кто жил тогда, уже нет с нами. Поэтому черпать знание о том, что тогда происходило, можно только в мемуарах, архивах, поэзии, музыке, живописи. И первое, что мы обнаружим, — необычайное разнообразие оценок и впечатлений. В последующем все участники стремились сузить их сообразно своим интересам, опыту и методам. Но нам, спустя 100 лет, досталось иметь дело с разнообразием и предельно ясным пониманием того, что именно уменьшение разнообразия подрывает жизнеспособность даже самых благородных идей и открывает дорогу самой чудовищной нетерпимости.

Александр Агеев

www.ageev.net

ДОЛГОИГРАЮЩИЙ ВЫБОР

Второе, что мы обнаружим, — колоссальный масштаб жертв борьбы за утверждение победы одних над другими. Нам досталось хотя бы уважать сложившийся в результате этого жертвоприношения со всех сторон социальный выбор. Он не был продуктом ничьей личной воли, которая мало что весила в том беспрецедентном социальном цунами. Тем ценнее для нас каждая судьба, попавшая в тот водоворот.

Третье и главное — последствия. В их истолковании царит беспредел. Он отчасти неизбежен, поскольку причины трансформируются в следствия, которые становятся причинами, — и нет конца этим превращениям. Неизбежны колебания социальных симпатий, откликающиеся на перемены в технике, экономике, образе жизни. Есть и сила импульса, затухающая в дали времени. Есть и актуальная политическая борьба, произвольно выхватывающая те или иные моменты либо те или иные персонажи из прошлого.

Но как только вопрос о последствиях ставится ребром, становятся очевидными надуманность и пустота многих рассуждений. Для цивилизаций и великих держав это вопрос о том, быть им или не быть.

И именно его, этот вопрос, ставил год 1917-й.